

АНОМИЯ В СЛОЖНОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.Н. Мещерякова

Томский национальный исследовательский политехнический университет. Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30.

В статье рассматривается вопрос, какие изменения должны быть внесены в сформулированную Э. Дюркгеймом теорию социальной аномии и разработку Р. Мертеном, в связи с тем что современное общество вступило на качественно новую ступень своего развития, характеризующуюся понятием «сложное общество». Аномия в простом традиционном и индустриальном обществе может быть определена как структурная. В самой социальной системе обнаруживаются факторы, структурирующие условия, в которых девиантное поведение становится «нормальным» ответом на социальную ситуацию. Аномия современного сложного общества может быть определена как рефлексивная. Многообразие ценностно-нормативных систем в нём приводит к тому, что нормы превратились в акт выбора, центр принятия решений сместился на уровень микромира, они стали столь же мало предсказуемыми, как и вся общественная жизнь в целом.

Люди не желают понимать, в каком состоянии может оказаться мир в случае полного разрушения идеи солидарного существования, понимать необходимость принятия ради неё определённых ограничений. Наряду с этим проявлением социальной слепоты мы наблюдаем крайне слабо выраженное в сознании представление об ответственном существовании. Это в ситуации «постмодернистского произвола», когда на смену поведению ритуалистически-нормативному должно идти ценностно-нормативное поведение, внешний социальный контроль всё более уступать пространство внутреннему социальному контролю. И всё же минимальный моральный консенсус и возможен, и жизненно необходим.

Ключевые слова: простое общество, сложное общество, социальная деструктивность, структурная аномия, рефлексивная аномия, идея солидарного существования, ответственное существование, ценностно-нормативное поведение, моральный консенсус.

Из всех теорий девиантного поведения – социальной аномии (Э. Дюркгейм, Р. Мертон), культурного переноса (Г. Тард, Г. Сазерленд), стигмации или клеймения (Э. Гоффман, Х. Беккер) – именно первая обладает большей объяснительной силой. Она не просто выстраивает модели микросообществ, в которых человек вынужденно или по выбору ведёт себя с точки зрения девиантного или даже криминального поведения, или считается, что так себя ведёт, эта теория в широком смысле диагностирует состояние общества. Аномия является таким состоянием общественной жизни, когда люди, члены общества, зная о наличии норм, скрепляющих социальную ткань, массово их не соблюдают, что ведёт к росту девиантного поведения, преступлений и других проявлений социальной деструктивности.

Теория социальной аномии изначально, в трактовке Э. Дюркгейма, затем Р. Мертона, являясь теорией макроуровня, объясняет, какие особенности социальной действительности и каким образом структурируют условия, провоцирующие различные формы девиантного поведения. И соответственно сама теория эволюционирует вместе с изменениями, происходящими в обществе, сохраняя свой гносеологический потенциал. Целью предлагаемой статьи является стремление обосновать:

– соответствие теории социальной аномии в трактовке Э. Дюркгейма относительно простому обществу;

– совокупности положений теории Р. Мертона – обществу переходному от простого к сложному (XX в.);

– показать, какая эволюция основных положений теории социальной аномии необходима сегодня, чтобы она сохранила свой объяснительный потенциал в отношении современного сложного общества XXI в.

Теория социальной аномии в «простом» обществе

Что подразумевается под выражением «простое общество»? Во-первых, это противопоставление современному обществу, сложному. Только на этом сравнительном фоне становится очевидна его относительная простота. Оно функционирует под влиянием внешнего принудительного воздействия социальных фактов, в нём причины порождают пропорциональные причинности следствия, социальная жизнь развивается через её усложнение в целом эволюционно-линейно, а соответственно можно пытаться познать и реконструировать объективно-исторические законы этого развития. Социальные взаимодействия, социальные отношения развиваются в обществе на основе существующих в нём и разделяемых большинством общества ценностно-нормативных конфигураций, когерентного взаимодействия ценностей и норм в рамках единой

культуры, которые составляют основу солидарного общественного существования.

С. Кравченко называет нравственные основания относительно простого общества «арочной моралью». Он отмечает постоянство и определённость её принципов, чёткие границы между «хорошо» и «плохо», «можно» и «нельзя», специфические нормы и ценности, «которые эффективно контролировали отношения в обществе, направляя поведение людей в этически «правильное» русло» [3, с. 150]. Э. Дюркгейм разрабатывал теорию социальной аномии применительно именно к такому обществу. В своей классической работе «Самоубийство: социологический этюд» он подчёркивал, что аномия – это состояние дезорганизации, которая может наступить и в эпоху кризиса, связанного с войной, революцией, и, как он называет, «счастливого кризиса», то есть на фоне экономического и общего подъёма. «Поскольку изменяются взаимоотношения различных частей общества, постольку и выражающие эти отношения идеи не могут остаться непоколебленными» [2, с. 234].

Социальная структура в данном случае рассматривается как совокупности составляющих её частей, изменение функциональных отношений между элементами ведёт (причина порождает следствие) к слову норм, по которым эти взаимодействия осуществлялись.

Теория социальной аномии в обществе переходного типа

Р. Мертон, продолжая заложенную Дюркгеймом традицию, исследовал, как социальная структура порождает обстоятельства, при которых «нарушение социального кодекса представляет собой "нормальный" ответ на возникающую ситуацию» [4, с. 301]. В его трактовке аномия необязательно следствие чрезвычайных обстоятельств, кризисных или счастливых, но может быть вполне дежурным состоянием социальной системы при определённых условиях, когда наблюдается расхождение в значении, придаваемом целям и нормам, регулирующим их достижение. Главной причиной аномии в американском обществе он называл, например: «Чрезвычайное значение, придаваемое... накоплению богатства в качестве символа успеха» [4, с. 301]. Цели, по Мертону, обуславливаются основными ценностями культуры. Богатство, как символ успеха, рассматривается как желательное для всех. Но институционализированных средств достижения богатства всеми не существует. Добавим от себя, что богатство есть проявление крайних статусных позиций в социальной системе, так же как и бедность. Если все элементы системы будут стремиться занять крайние позиции в ней, это будет равносильно тому, что в ней действуют центробежные силы.

Преувеличение значения, которое придаётся цели, умоляет значимость средств. И, с одной стороны, «обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещённых средств становится все более обычным», – это для тех, кто не отказывается от цели. А с другой стороны, «пораженчество, квиетизм и самоустранение проявляют себя в психологических механизмах бегства от действительности» – это удел тех, кто разочаровывается в возможностях достичь желаемого законными способами и неспособен прибегнуть к незаконным [4, с. 301]. Мертон пишет, что наличие групп и индивидуумов, не участвующих в гонке по достижению денежного успеха, подрывает идеологию равенства, на которой зиждется американское общество.

Это уже теория аномии переходного усложняющегося общества. Ничто не рождается из ничего: социальная жизнь развивается через её усложнение. На пути от простого общества к сложному должно находиться общество переходного типа. Сложность не значит беспорядок, это просто сложно организованный порядок нового качества. Внешние воздействия в нём ведут к непропорциональному и нелинейному ответу, сопровождаясь эмерджентными изменениями в социальном порядке. Социальная жизнь развивается не эволюционно-линейно, а образуя ризоморфную организацию среды (Ж. Делез, Ф. Гваттари). И всё это на фоне ускоряющегося темпа социальных изменений. Современное сложное общество является продуктом нарастающей скорости социальных изменений и одновременно производителем ненамеренных следствий этого же процесса. С. Кравченко выделяет три важнейших фактора скорости, наиболее значимых для качества сложного социума [3, с. 27–28]:

- человечество подошло к порогу своих возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное – решения с гуманными целями;

- увеличивается доля короткоживущего социума и уменьшается доля долгоживущего;

- возникает эффект временного дисхроноза, когда в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпах. А определённая часть общества даже не справляется со скоростью социальных перемен.

Человечество в лице властных структур, научных коллективов, общественного мнения оказывается неспособным оценить следствия возникших социальных изменений, как уже непреднамеренным образом следует следующая волна. Неслучайно, что данное З. Бауманом метафоричное определение современного общества как «текущей современности» стало столь плодотворным.

Но вернёмся к трактовке социальной аномии, данной Мертоном. По сути, аномия здесь и есть рассогласование ценностно-нормативных конфигураций, возникающая потому, что социально одобренными средствами (нормальными) нельзя добиться социально признаваемых целей (в данном случае богатства как одной из ценностей, входящей в концепт «американской мечты»). Это рассогласование провоцирует различные формы девиантного поведения, в основании которых принятие/отторжение целей/средств:

- инновация – принятие целей, но допущение нарушения нормативных средств их достижения;

- ритуализм – разочарование в достижимости целей при сохранении верности нормативным основаниям общественной жизни;

- ретреатизм – непринятие ни целей, ни средств без предложения чего-то нового;

- бунт – отторжение принятых целей и средств с одновременным предложением новых.

Аномию в формулировках Дюркгейма и Мертона можно назвать структурной. Мы можем в самой социальной системе обнаружить факторы, структурирующие условия, в которых аномичное поведение становится «нормальным» ответом на социальную ситуацию. Но если во времена Дюркгейма эти условия актуализировались только в кризисный период жизни общества, то Мертон обнаружил признаки «болезни» в наиболее стабильный период существования американского общества, когда, казалось бы, система способна была воздействовать на любые отклонения в своей среде, возвращаясь к своему стационарному существованию. Сегодня не только общество изменилось принципиально, но и характер того явления, которое мы называем социальной аномией, тоже.

Теория социальной аномии в современном сложном обществе

Аномию сложного общества можно назвать рефлексивной в отличие от структурной аномии предшествующего периода. Рефлексивность современных социальных акторов как способность и настроенность на основании собственной внутренней целостности выстраивать взаимоотношения с действительностью отмечают многие современные исследователи (П. Бурдье, Э. Гидденс, М. Арчер). З. Бауман пишет о современных людях как «утративших принадлежность». «Современность заменяет гетерономное определение социального положения обязательным самоопределением» [1, с. 39], – считает он. Центр принятия решений, оценочных суждений сместился на уровень микромира, они стали столь же мало предсказуемыми, как и вся общественная жизнь в целом.

Аномия – состояние, отражающее в первую очередь нравственную сферу общественной жизни, ценностно-нормативную. До становления буржуазного, капиталистического государства единой для всех морали всё же не было. «Что позволено Юпитеру, не позволено быку», – говорили римляне. Сословная организация общества подразумевала разный комплекс прав и обязанностей для каждого сословия, разные стили жизни. Вспомним совершенно различные нормы отношений привилегированного сословия к равным себе и простолюдинам, что подкреплялось теорией «трех сословий», составлявшей идейную основу социального порядка средневекового европейского общества.

Эта теория подразумевала распределение прав и обязанностей между основными сословиями. Рыцарство должно с оружием в руках защищать крестьян и духовенство, третье сословие должно трудиться и кормить остальные два сословия, а духовенство – заботиться о спасении душ своей паствы. Но каждое из сословий в этом социальном порядке получало своё вознаграждение: рыцарство – власть и богатство, крестьянам было обещано, что тому, кто трудом своим добывает хлеб насущный, легче попасть в рай. Целостность этой общественной структуры обеспечивался не только традиционализмом сознания, но и целостностью ценностно-нормативной основы.

Провозглашенное в конце XVIII в. равенство логично требовало унификаций правил, по которым живут все члены общества, равенство хотя бы прав, но не возможностей, как подчёркивал Бенджамин Франклин. М. Фуко показал в своей работе, что в раннем капиталистическом обществе дисциплинарная власть сменила собою власть-господство [7]. В результате она стала более рациональной, менее жёсткой, более эффективной, но и обезличенной. Дисциплинарная власть подразумевает процедуру непрерывного контроля, который распространяется уже не только на преступников, но на всё общество. Всё рационализировать, стандартизировать и поставить под контроль – вот интенция развития западного бюрократического государства.

Но тенденции общественного развития (отдельных элементов, институтов) никогда не воплощаются в законченной форме, поскольку по мере их развития ненамеренным образом вызревают элементы новых институтов. Это в истории человеческой цивилизации было всегда. Просто сейчас это происходит с такой скоростью, что мы не успеваем их осмыслить, как они превращаются в традицию и уже сменяются новыми элементами. Наряду с бюрократизацией, формализацией человеческих отношений, обратной стороной чего стала их дегуманизация (вспомним перекосы ювенальной юстиции в ряде европейских стран), общество провозгласило плюрализм, толерантность, культурный диалог.

Многообразие ценностно-нормативных систем привело к тому, что нормы превратились в акт выбора. С одной стороны, дисциплинарное общество старается все регламентировать, а с другой – рыночные механизмы, которым всё подчинили, законы спроса и предложения превратили ценности и нормы в «меню», из которого можно выбирать, что, в свою очередь, приводит к ненамеренным последствиям для общества в целом.

«В наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более несамочевидны; их слишком много, они сталкиваются друг с другом и их предписания противоречат друг другу, так что все они в значительной мере лишены своей принуждающей, ограничивающей силы. ... Вместо того, чтобы служить предпосылкой стили поведения и задавать рамки для определения жизненного курса, они следуют ему (следуют из него), формируются и изменяются под воздействием его изгибов и поворотов. Силы сжижения переместились от системы к обществу, от политики к жизненным установкам или опустились с макро- на микроуровень социального общежития», – пишет З. Бауман [1, с. 14].

Рефлексивная аномия соответствует своему рефлексивному социуму, где мерило всему – собственная субъективность, где сокращаются горизонты жизненного планирования на индивидуальном уровне (зеркальное отражение приходу «короткоживущих социумов» на смену «долгоживущим»), а жизнь «сегодняшним днем» и принятие на себя ответственности за долгоиграющие последствия своих действий – моменты, плохо сочетающиеся друг с другом. «Делать «рациональный выбор» в эпоху мгновённости означает стремиться к вознаграждению, избегая последствий, и особенно обязательств, которые могут подразумевать такие последствия», – обращает внимание всё тот же Бауман [1, с. 140]. Если в эпоху структурной аномии в случае отклонений в системе, связанных с различного рода девиантным поведением акторов, включались механизмы социального контроля и система восстанавливала утраченный порядок, то сегодня «усилия по восстановлению социального порядка почти всегда порождают дальнейшие непредвиденные последствия» [3, с. 20].

Рассогласование ценностно-нормативных оснований общественной жизни в сложном обществе необратимо при том ценностном плюрализме, который имеет место. С. Кравченко называет мораль такого общества, продолжая метафору Баумана, «текучей», атрибутивными качествами которой являются становление, динамично рефлексивный характер, что порождает «риски неопределённости морально-нравственных оценок» [3, с. 93–94].

Но в такой ситуации возникает закономерный вопрос, а какова тогда на настоящий

момент единая ценностно-нормативная основа коллективных действий и возможна ли она? С. Кравченко считает: «Переоткрытие морали предполагает не только и не столько выявление её новых параметров, обусловленных её сложным социумом турбулентного времени, сколько активную роль людей в формировании гуманных форм жизнедеятельности. Моральные принципы, пусть даже текущие по сущности, могут субъективно конструироваться» [3, с. 169].

Ценностный аспект общества может быть когнитивно обоснован, это вытекает уже из того, что «стандартные моральные нормы» признаются социумом. В своё время эту интеллектуальную работу предлагали сделать Э. Гуссерль и П. Сорокин, но российский философ В. Федотова замечает, что эта мысль справедлива только для стабильной ситуации. «В меняющемся мире эта вера в когнитивное обоснование этических (ценностных) или моральных (нормативных) суждений перестаёт быть безусловной...» [6, с. 478]. Постконвенциональная мораль в Хомановской интерпретации базируется на интерсубъективно разделяемом «убеждении в действительности норм». Это этика благоразумия, которая основана на рефлексии, дискурсе и понимании [8]. Она уступает в силе действенности конвенциональной морали, которая основана на вере, авторитете и страхе наказания. Конвенциональная мораль восходит к абсолюту, постконвенциональная – относительна, она есть результат «общественного договора». Захотели, договорились так, передумаем, договоримся иначе. А в кризисные времена, когда трудно о чём-то договориться, когда интересы слишком противоречивы и накоплено слишком много претензий различных слоёв общества друг к другу, любые договорённости шатки.

Второй момент, как осуществляется легитимизация моральных ценностей? Мы все отдаём себе отчёт, что в нашей светской по духу культуре они тем не менее основаны всё на тех же десяти заповедях Христовых. Но в ситуации слабости коллективного религиозного чувства это становится скорее интеллектуальным, чем духовным обоснованием. Для укоренения культурных ценностей необходима социальная сила, которая их репрезентирует и воплощает. Макс Вебер считал, что только личность является единственным гарантом этического в культуре, которая сама по себе лишена этического начала.

Характеризуя «духовную ситуацию» конца XX – начала XXI в., мы вслед за К. Ясперсом назовём её экзистенциальной. Основные идеи экзистенциализма, которые Ясперс, Л. Шестов только обнаруживали у Кьеркегора, которые выражали Ж.-П. Сартр и А. Камю, сегодня, в начале XXI в., нами уже «переварены», они вошли в нашу плоть и кровь, они текут по нашим

венам. Но теперь, когда они стали частью нашего мироотношения, они стали терять свою чёткость.

Экзистенциализм, хотя и условно выделяемый в качестве философского направления, основывается на признании человека изначально свободным, беспрестанно осуществляющим выбор и таким образом создающим себя. Это философия свободы. Но это и философия ответственности, ответственности человека за то, что он есть, за осуществляемый выбор. Сартр писал об ответственности художника за мысль, которую он выражает: «Слово – это заряженный пистолет, говорящий стреляет» [5, с. 344]. Обнажить такое оружие можно лишь при наличии предполагаемого проекта. Целостность экзистенциального понимания, несмотря на неустойчивость и неустроенность человеческой жизни, определяется простроенностью этой связи: свобода выбора – ответственность за принятое решение. Как только мы разрушаем баланс, например ответственность без свободы, как в тоталитарных обществах, или свобода без ответственности, то рискну предположить: сегодня целостность возникшего на основе экзистенциального мышления «жизненного мира» разрушается.

Все ценности в экзистенциальном мире неопределённые и слишком широки для каждого конкретного случая. С точки зрения Сартра, моральный выбор осуществляется не на основе абстрактных норм, а исходя из ситуации, что повышает меру субъективной ответственности за совершаемое. Это особенно важно в условиях, когда самостоятельность одного человека ставит границы свободе другого. При всём пессимизме экзистенциального взгляда на мир, где люди разобщены, относятся друг к другу как объектам, именно постулирование ответственности за право пользования свободой делает экзистенциальную позицию потенциально социально адаптивной.

Итак, общие основания морали, то есть общие ценности, только и делают возможными коллективные действия, которые есть условия сохранения вида. Но приходится повсеместно наблюдать неспособность человеческого сообщества увидеть «мы-перспективу» общественного и индивидуального существования, неактуальность проблематики «этического самопонимания человеческого вида» (Ю. Хабермас) в сознании каждого, неэффективность дискурса по организации совместных усилий по установлению норм, которые станут основой всеобщего согласия, особенно в политической сфере общественных отношений. Кроме того, мы наблюдаем, что любое морализаторство сегодня неэффективно. Невозможно единственно на основании морали подвинуть волю познающего субъекта к нормативному поведению.

■ Социология

Люди не желают понимать, в каком состоянии может оказаться мир, в случае полного разрушения идеи солидарного существования, понимать необходимость принятия ради неё определённых ограничений. Наряду с этим проявлением социальной слепоты мы наблюдаем крайне слабо выраженное в сознании представление об ответственном существовании. Это в ситуации «постмодернистского произвола», когда на смену поведению ритуалистически-нормативному должно идти ценностно-нормативное поведение, внешний социальный контроль будет всё более уступать пространство внутреннему социальному контролю. И всё же минимальный моральный

консенсус и возможен, и жизненно необходим.

Таким образом, социальная аномия, которую исследовали Дюркгейм, а затем Мертон, может быть названа структурной. Только Дюркгейм изучал её применительно к простому обществу (в сравнении с современным сложным), а Мертон – в обществе переходного типа. Аномию современного общества можно назвать рефлексивной, провоцируемой рассогласованием ценностно-нормативных конфигураций не столько на уровне системы, сколько возникающей в процессе отражения действительности рефлексивным социальным актором.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
3. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012. 306 с.
4. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Издательство «Прогресс», 1966. С. 299-313.
5. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.П. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.
6. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 1999. 480 с.
8. Homann K., Gereke U., Ethik der Globalisierung: Zur Rolle der multinationalen Unternehmen in der Etablierung moralischer Standards / Homann K., Gereke U. Munchen, 1999. Perspektiven der internationalen Wirtschaft, pp. 429-457.
9. Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. 172 p.

Об авторе

Мещерякова Наталия Николаевна – доцент кафедры социологии, психологии и права Томского политехнического университета, докторант кафедры социологии МГИМО(У) МИД России. E-mail: Natalia.tib@mail.ru

ANOMIE IN THE COMPLEX SOCIUM

N. N. Meshcheryakova

National Research Tomsk Polytechnic University 634050, Tomsk, Lenin Avenue, 30.

Abstract: *The article deals with the question of what changes should be made in the theory of social anomie, formulated by Emile Durkheim and developed by Robert Merton. This is necessary because modern society has entered a qualitatively new stage in its development and is characterized by the notion of a complex socium. Anomie in a simple socium can be defined as structural. Social system itself creates the conditions in which the destructive behavior is "normal" response to the social situation. Anomie of modern complex society can be defined as reflexive. Variety of value-normative systems leads to the fact that norms become an act of choice. Decision-making center has shifted to the level of the microcosm. They have become as unpredictable as social life in general.*

Key words: simple socium, complex socium, social destructiveness, structural anomie, reflexive anomie.

References

1. Bauman Z. 2000. Liquid Modernity. Polity. Press, Oxford. (Russ. ed.: Bauman Z. Tekuchaja sovremennost'. SPb: Piter Publ., 2008. 240 p.)
2. Durkheim E. Le suicide. Étude de sociologie. Paris: Les Presses universitaires de France, 2e édition, 1967. 462 p. (Russ. ed.: Djurkgejm Je. Samoubijstvo: Sociologicheskij jetjud. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 399 p.)
3. Kravchenko S.A. Stanovlenie slozhnogo obshhestva: k obosnovaniju gumanisticheskoy teorii slozhnosti [Formation of a complex society: to the justification of humanistic theory of complexity]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2012. 306 p.
4. Merton R. Social Structure and Anomie. American Sociological Review, 3 (October 1938). 672–82 pp. (Russ. ed.: Merton R. Social'naja struktura i anomija / Sociologija prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii) Moscow, Progress Publ., 1966, p. 299-313.)
5. Sartre J. P. L'existentialisme est un Humanisme Editions Nagel, Paris, 1946. (Russ. ed.: Sartr Zh.P. Jekzistencializm – jeto gumanizm / Nicshe F., Frejd Z., Fromm Je., Kamju A., Sart Zh.P. Sumerki bogov. Moscow, Politizdat Publ., 1989, pp. 319-344.)
6. Fedotova V.G. Horoshee obshhestvo. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2005, 544 p.
7. Foucault M. Discipline and Punish, Panopticism. Discipline & Punish: The Birth of the Prison. New York, Vintage Books, 1977. 195-228 pp. (Russ. ed.: Fuko Moscow, Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p.)
8. Homann K., Gereke U., Ethik der Globalisierung: Zur Rolle der multinationalen Unternehmen in der Etablierung moralischer Standarts / Homann K., Gereke U. Munchen, 1999. Perspektiven der internationalen Wirtschaft, pp. 429-457.
9. Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. 172 p.

About the author

Natalia N. Mescheryakova – candidate of historical science, associate professor, Tomsk Polytechnic University, Department of Sociology, Psychology and Law. E-mail: Natalia.tib@mail.ru